

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакция: РЕВЕЛЬ, Вышгородскій бульварь
(Toompea rülestee), № 17-А, кв. 14.
Контора: Ратушная площадь (Suur turg), 17.
Редакторъ принимаетъ съ 1½ до 2½ час.
Контора открыта съ 9 до 4 часовъ

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА В МАРОКЪ.

Подписная плата.	1 м.	3 м.	6 м.	1 г.
Безъ доставки	90	245	460	865
Съ доставкой въ Ревель	105	285	535	1010
" " Эстляндіи	115	310	585	1105
За границу	170	460	865	1640

Подписка принимается только съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

за 1 м.м. въ одинъ столбецъ
на 4 стр.—3 мр., на 1 стр.—6 мр.,
въ тебѣ — 7 мр.
Пріисканіе мѣста и роански эмигран-
товъ — 1 мр. Иностран. объявл. — въ
полтора раза дороже.
За перемѣну адреса — 10 мар.

Статьи для помѣщенія въ газетѣ просятъ присылать по адресу редакціи, на имя Р. С. Ляхницкаго; онѣ должны быть четко написаны на однѣи сторонѣ листа за подписью автора и съ адресомъ. Редакція оставляетъ за собой право собирать и измѣнять рукописи. Непринятые рукописи не возвращаются.

Воскресші Хлестаковъ.

(С. Л. Кузнецовъ въ комедіи Гоголя „Ревизоръ“).

I.

Всякое истинно великое художественное произведеніе не является кристаллизован-нымъ и какъ бы застывшимъ во времени. Наоборотъ, оно обладаетъ всеобразною способностью переживать сложные этапы эволюціи и видоизмѣнять свой смыслъ и значеніе — иногда даже на нашихъ глазахъ.

Вокругъ cadaго глубокаго созданія искусства происходятъ напластованія многоразличныхъ теоретическихъ воззрѣній и обы-вательскихъ мнѣній. Порою они приближаютъ насъ къ правльному истолкованію перво-начальныхъ замысловъ автора, порою же, на-оборотъ, отдаляютъ на болѣе или менѣе зна-чительное разстояніе.

Последнее явленіе отчетливо наблюдается въ судьбѣ бессмертной гоголевской комедіи „Ревизоръ.“ Ею порождено великое множество домысловъ — и я сказалъ бы домысловъ, въ достаточной мѣрѣ болѣзненныхъ. Вспомнимъ хотя бы разсужденія Д. С. Мережковского, который въ образѣ Хлестакова усмотрѣлъ не болѣе ни менѣе, какъ „самого чорта, соб-ственной персоной.“

Впрочемъ, начало символистическнхъ и отчасти мистическнхъ толкованій комедіи положилъ самъ Гоголь въ періодъ душевнаго перелома, вызваннаго сразу обрушившейся на него лавной негодующихъ отзывовъ о „Ре-визорѣ“.

Но, кажется, въ данномъ случаѣ намъ слѣдуетъ подойти прямо къ истокамъ гоголе-вскаго творчества.

„Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хотя какой-нибудь, смѣшной или не смѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если же сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами... Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь — куда смѣшнѣе чорта! Ради Бога — умъ и желудокъ мой оба голодаютъ!“

Такъ писалъ Гоголь Пушкину 7 октября 1835 года. Великій поэтъ, и ранѣе дававшій сюжеты автору „Женитьбы“ и „Мертвыхъ душъ“, подѣлился съ нимъ воспоминаніемъ о прѣздѣ въ Устюжну какаго-то авантюриста, выдавашаго себя за ревизора и долга обобра-зшаго чиновниковъ.

Творческая мысль Гоголя заработала съ напряженной энергіей, и 19 апрѣля 1836 года „Ревизоръ“ уже увидѣлъ впервые свѣтъ рампы.

Для насъ представляется существенно важ-нымъ сейчасъ твердо запомнить, что идея „Ревизора“ и силуэтъ главнаго героя комедіи были даны Гоголю именно Пушкинскимъ.

Существуетъ интересная въ историко-ли-тературномъ отношеніи картина стараго худож-ника барона М. П. Клодта — „Пушкинъ въ гостяхъ у Гоголя“.

Почивный Клодтъ разсказывалъ мнѣ, что хотѣлъ этимъ произведеніемъ увѣковѣчить моментъ перваго чтенія Гоголемъ Пушкину своего „Ревизора“.

Въ бѣдно обставленной комнатѣ, нагнувшись надъ столомъ, смудно освѣщеннымъ сал-ной свѣчой, Гоголь съ обычнымъ сосредото-ченнмъ юморомъ читаетъ вслухъ только что законченную комедію. Пушкинъ, откинувшись на спинку кресла, слушаетъ съ жаднымъ вни-маніемъ. Лицо его озарено веселымъ, искра-щающимся и беззаботнымъ смѣхомъ.

„Эній счастливецъ — Пушкинъ“, гово-рилъ о немъ Брюлловъ: „вѣдь такъ смѣется, что, кажется, всѣ кишки вьдны“... .

Этимъ образнымъ выраженіемъ знамени-тый художникъ, видимо, хотѣлъ подчеркнуть прозрачную чистоту вѣчно юнаго пушкинскаго смѣха, чистоту, о которой говорятъ всѣ его современники.

И не ея ли заразилъ Гоголя Пушкинъ, подсказавъ ему шаловливый образъ Хлеста-кова? Недаромъ же посабдній хвастается своимъ знакомствомъ съ поэтомъ: „Я и съ Пуш-кинымъ — на дружеской ношѣ. Бывало часто говорю ему: „Ну что, братъ Пушкинъ?“ „Да такъ, братъ“, отвѣчаетъ бывало: „такъ какъ-то все“... . Большой оригиналъ!“

Я беру на себя смѣлость утверждать, что именно эта пушкинская простота и прозра-чность юмора привнесена С. Л. Кузнецовымъ въ исполненіе имъ роли Хлестакова, роли, которая доставила ему такую громкую и вполне заслуженную навѣстность еще на сце-нѣ Московскаго Художественнаго Театра.

Въ Хлестаковѣ С. Л. Кузнецова совершен-но отсутствуетъ элементъ сатирическаго осу-жденія. Онъ, наоборотъ, невольнo вызываетъ

въ себѣ добродушное отношеніе, но никакъ не презрѣніе или негодованіе. Да, это, дѣйстви-тельно, — „одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими“, но въ то же время онъ исполненъ подкупающей простоты. Да, это, повистивъ, — „вертопрахъ“, по опредѣленію городничаго, но отличающійся подлиннымъ чистосердечіемъ.

Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль пока-жетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ“, сѣтовалъ артистамъ Го-голь, и это въ вѣтъ исполненъ въ наши дни С. Л. Кузнецовымъ, который, по мѣткому вы-раженію глубокаго знатока исторіи русскаго театра проф. Б. В. Варнеке, возвратилъ Хле-стакову его молодость.

* * *

Вамъ, конечно, приходилось любоваться старинными миниатюрами.

Онѣ обладаютъ однимъ замѣчательнымъ свойствомъ: при тончайшей мнрооскопичности рисунка даютъ яркое впечатлѣніе художествен-ной цѣлостности.

„Да, не это — Хлестаковъ школы Стани-славскаго“, слышалъ я въ одномъ изъ антрак-товъ ствмъ объ исполненіи С. Л. Кузнецо-вымъ роли Хлестакова.

Я и согласенъ, и не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Согласенъ постольку, поскольку рѣчь идетъ объ удивительной выработанности деталей. Не согласенъ, потому что эта послед-няя нисколько не заслоняетъ общаго и глав-наго — ярко индивидуальной трактовки без-мѣрно заигранной роли.

И развѣ не признакъ истиннаго таланта — эта двойная способность: давать ничто большее въ маломъ, въ деталяхъ мелочахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрывая новое въ старомъ, издавна всѣмъ знакомомъ.

О нѣкоторыхъ подробностяхъ выполненія С. Л. Кузнецовымъ роли Хлестакова скажу дальше. А теперь останавливаюсь на основной чертѣ воспроизводимаго имъ образа.

Въ его толкованіи Хлестаковъ — charmer, очарователь. Не потому, чтобы обаятельна была сама по себѣ его личность, но по двумъ другимъ причинамъ: въ силу налета свѣтскаго, столичнаго лоска и благодаря молодой и без-заботной непосредственности.

Подумайте: развѣ не обаятельно для всѣхъ утомленныхъ однообразиемъ жвзна обитателей сквернаго уѣздаго городишка это появленіе въ ихъ средѣ „столичной штучки“ съ ея увле-кательными сказками о великолѣпнхъ петер-бургскаго быта?

И еще: не захватываетъ ли и это бездум-ное легкомысліе Хлестакова? „У меня все вдругъ“, говоритъ онъ о себѣ, а въ другой разъ признается: „У меня — легкость не-обыкновенная въ мысляхъ“. И эти свойства позволяютъ ему безъ оглядки „срывать въ жизни цвѣты удовольствія“: рѣзаться въ карты съ прѣзжимъ капитаномъ, волочиться напро-палую за женой и дочкой городничаго и катить потомъ на курьерской тройкѣ, разбра-сывая цѣлковые на чай.

Помните: Хлестаковъ-Кузнецовъ въ раз-говорѣ со зрителемъ училищъ Лукой Лу-кичемъ самодовольно заявляетъ: „А въ мо-ихъ глазахъ точно есть что-то такое, что вну-шаетъ робость. По крайней мѣрѣ, я знаю, что ни одна женщна не можетъ ихъ выдержать...“

Это мѣсто роли тонко оттѣняется артистомъ — и не безъ основанія. Здѣсь — не только маль-чисское хвастовство, но и подсознательное ощущение въ данное время отъ него мнмо-вольно исходящаго гипноза: вотъ онъ вата-гиваетъ Бобчинскаго и Добчинскаго, обвола-киваетъ имъ постепенно городничаго, безраз-дѣльно овладѣваетъ Анной Андреевной и Марьей Антоновной.

Но согласитесь: для всего этого — нужны основанія нѣсколько большія, нежели извѣстіе, вычитанное изъ родственнаго письма. „Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора?“ сокрушается впоследствии город-ничій: „Ничего не было“... .

И мы легко можемъ согласиться съ нимъ, что начальственнаго въ Хлестаковѣ — Кузне-цовѣ, дѣйствительно, нѣтъ ничего — но все же обаяніе его петербургскихъ манеръ и столич-наго востюма слышкомъ велико, а безоглядное пользование жизненными удовольствіями вну-шаетъ окружающимъ мысль, что онъ имѣетъ на это какое-то особое, преимущественное пе-редъ другими право.

И когда за ономъ зазвенѣли бубенцы ли-хой тройки, уносившей въ невѣдомую даль Хлестакова — Кузнецова, стало и скучно, и жаль, что мы больше не увидимъ этого весе-лаго мальчугана-мистификатора.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Привать-доцентъ Сергій Штейнъ.